

ТОМ 2 книга 2

Содержание:
Поступь Зверя.
Царство страха.
Бросок кобры.
Собачий оскал.

Поступь зверя

Все имена, фамилии, прозвища действующих лиц, равно как и названия городов, улиц, площадей, фирм, политических партий и движений, увеселительных заведений и т. д. вымышлены. Любые совпадения случайны.

Пролог

Начало июля 2005 г, г. Н- ск.
ФСБ на Лукьянской площади.
10 часов утра

«...В связи с недавним подрывом пассажирского поезда Гудермес – Москва и выявлением подозреваемых в данном преступлении в среде радикально настроенной, фашиствующей молодежи славянского происхождения, а также с проведением вышеуказанными элементами целого ряда провокаций в различных регионах России (далее подробный перечень этих самых провокаций...) рекомендуем незамедлительно принять экстренные меры к нейтрализации национал- экстремистского подполья, существование которого в Н- ске и других крупных городах уже не вызывает сомнений и представляет собой серьезную угрозу безопасности страны...»

– Идиоты! – ничуть не стесняясь начальника Управления, высказался Рябов. – Они там что, с ума посходили?!

– Ты не отвлекайся, читай дальше, – хмуро посоветовал Марков. – Директива спущена, сам знаешь откуда. А мы люди подневольные... – при этих словах генерал как- то странно поморщился.

«...определить источники финансирования... выяснить цели и задачи... внедрить в подполье свою агентуру... для проведения операции выделить самых опытных и квалифицированных сотрудников».

– Не буду! – полковник решительно отодвинул от себя директиву. – Со дня на день Дагестан может запылать! Завтра большая часть отдела отправляется туда в командировку (по Вашему, кстати, указанию), а они тут игру в бирюльки затеяли! Выдумали «красно- коричневое» подполье, и извольте подать им лучших сотрудников. С ветряными мельницами сражаться!.. Не буду!!! А если Вы, Игорь Львович, все- таки настаиваете, хоть сейчас подам рапорт об увольнении! – Рябов нашарил на столе чистый лист бумаги и авторучку.

– Не горячись, Володя, – примирительно сказал генерал. – Мне не больше твоего

нравится это... гхе, гм... поручение! И не такой уж я дурак, чтобы срывать из-за него действительно важное мероприятие. Но отмахнуться от директивы я тоже не могу. Слишком уж с большой высоты она спущена. В общем, нам с тобой надо сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы... Кто у тебя в отделе самые опытные и квалифицированные? Можешь не отвечать. Майоры Корсаков и Сибирцев! Вот им и поручим прозондировать сие мифическое подполье. Все равно ребята не в форме, оба недавно из больницы и для серьезных дел не годятся.

– Баки будем втирать, – догадался Рябов.

– Именно, – подтвердил Марков. – Ты продолжай подготовку к командировке, планов не меняй, людей не отвлекай. Операция пойдет строго по плану. А Дима с Костей тем временем пускай в «бирюльки поиграют». Пообщаются с «радикальной молодежью», позадают вопросы, вотрутся в доверие... Короче, проведут оперативную работу. Ни фига они, естественно, не раскопают, но не беда! Главное, мы с чистой совестью доложим наверх: «Предприняли все необходимые меры, задействовали лучшие кадры, но...» Понятно?

Полковник кивнул.

– Вот и хорошо! После обеда Корсакова и Сибирцева ко мне в кабинет. Я лично их озадачу...

Глава I

Майор ФСБ Корсаков Дмитрий Олегович, 29 лет, русский, беспартийный, не женат.

По бирюзовому небу медленно проплывали легкие перистые облака. Солнце добросовестно припекало, но вместе с тем по берегу разгуливал нахальный северный ветерок, и потому люди, по выходе из воды, мгновенно покрывались «гусиной кожей», особенно детишки – известные любители плескаться подолгу. Мне, однако, ветерок не мешал. Напротив! С момента прихода на пляж я окунулся всего один раз и с тех пор больше не покидал своего покрывала на берегу. Вот уже два часа я лишь переворачивался с боку на бок, подставляя под горячие лучи различные части тела. А ветерок не позволял мне окончательно зажариться. Костя же Сибирцев, устроившийся рядом на надувном матрасе, в воду вовсе не заходил. Похоже, апрельского «купания» в Светлянке ему хватило надолго вперед... Вокруг было достаточно шумно: весело визжали ребятишки, в приемнике какой-то толстой тети скороговоркой излагала новости «Милицейская волна». А неподалеку от нас звонко щебетали о пустяках две хорошенькие девушки в узеньких купальниках.

– Дима, дай сигарету, – с кряхтением усевшись на матрасе, попросил Сибирцев.

– Держи.

– Спасибо. – Майор прикурил от зажигалки, глубоко затянулся, не спеша выпустил дым и посмотрел на часы. – Без пяти двенадцать, – лениво сообщил он. – Ну с, господин И.О., каковы будут дальнейшие указания?

– Продолжаем «давить на массу», пока не устанем. Потом в шашлычную обедать, – тем же тоном ответил я.

– Одобрямс... вау-у-у! – Костя зевнул во весь рот. – Служить, сударь, под Вашим руководством – сплошное удовольствие. Хотя и опасно – можно пролежни заработать!

– Настоящий воин не должен страшиться опасностей и невзгод, – с пафосом изрек я и, не удержавшись, прыснул.

К операции «Коричневая чума» мы оба относились крайне скептически, в существование национал-экстремистского подполья не верили и исходить потом в разыском усердии не собирались. Вот прогуляемся вечером в кафе «Имперская баррикада», поглазим на тамошних завсегдаев и необременительно пообщаемся, с кем придется. Потом состряпаем первое донесение. А утром – снова на пляж. Благо ехать недалеко – чуть больше двух километров от Кольцевой дороги. И так далее в том же духе. Как говорится, наше дело прокукарекать, а там хоть не рассветай. Судя по всему, ничего другого Марков от нас и не ожидает. Нет, прямо он так не говорил, но... Впрочем, расскажу по порядку. Вчера днем нас с Сибирцевым неожиданно выдернули с больничного и вызвали к начальнику Управления. В кабинете, кроме генерала, присутствовал полковник Рябов. Первым делом нас ознакомили с известной читателю директивой, взяли подписку о неразглашении и сурово поручили «рыть носом землю». Правда, в глазах обоих начальников сверкали эдакие лукавые искорки, абсолютно не вяжущиеся с серьезностью момента.

– Вы наши лучшие оперативники, наиболее опытные и квалифицированные. Поэтому вам и доверили это ответственнейшее задание, – обращаясь к включенному диктофону, торжественно начал Марков. Распространялся он долго, не менее десяти минут. И по завершении вдруг хитро подмигнул. С ходу врубившись в ситуацию, мы дружно заверили диктофон, что не подведем, из кожи вон вылезем и обязательно разоблачим супостатов, ежели таковые существуют в природе.

– Правильно. Старайтесь, – благосклонно кивнул генерал. – Выбор способов и методики на ваше усмотрение. Да, еще! Ваш непосредственный руководитель, – он указал на Рябова, – отбывает в срочную командировку. Ты, Корсаков, на время его отсутствия назначаешься и. о. начальника отдела, который с завтрашнего дня полностью нацелен на операцию «Коричневая чума». Ежедневно будешь присылать мне подробный отчет о проделанной работе. Можешь использовать для нее все имеющиеся в отделе ресурсы. Итак, полдня вам на подготовку, а завтра с утра приступайте. Вопросы есть?

– Никак нет! – хором рявкнули мы.

– Тогда свободны...

– Хороши ресурсы. Два недолеченных опера (включая новоявленного и. о.), секретарша Клава и прапорщик-водитель, – шепнул мне в коридоре Сибирцев. – Щедр наш генерал. Ничего не скажешь!

– Брось, Костя. Какая разница? – также шепотом возразил я. – Операция для галочки. Неужто не понятно?! И хватит болтать. Подробности обсудим на свежем воздухе. – Я недвусмысленно указал глазами на стены, где (как повсюду в нашей Конторе) могли скрываться микрофоны...

Докурив сигарету и аккуратно затушив в песке окурочек, Сибирцев вновь вытянулся на матрасе. Прошло несколько минут. Новости в теткинском приемнике сменились популярными мелодиями. Со стороны водохранилища тянуло свежестью и, совсем немного, запахом прибрежной тины. Упомянутые ранее девушки продолжали оживленно общаться. Насколько можно было разобрать, речь шла о нюансах моды текущего сезона. Вместе с тем периодически упоминалась некая «несчастливая Танюша, живущая с настоящим козлом». А также известная певица С. –

«крашенная, безголосая мымра с приклеенными ресницами, утянутой кожей и вставными зубами». Танюше обе барышни выражали искреннее сочувствие, а «мымру» всячески поносили, но без особой злости. Так, чисто по-женски. Затем без какого-либо перехода они вновь возвращались к блузкам, юбкам, туфлям и лаку для ногтей. «Как только языки не устали?!» – сонно подумал я. Солнце пригревало все сильнее. Впитывая кожей ультрафиолет, я нежился, томно жмурился и чуть ли не мурлыкал от удовольствия. И тут внезапно в окружающей нас безобидный шумок бесцеремонно врезались наглые, сиплые голоса: «Слышь, Вован, клевое местечко!..» – «Ага, падаем здесь!..» – «Осторожно, блин, пиво не разбей!..» – «Да не, братуха, все путем. Я лучше башку кому разобью. А пиво – это святое!..»

На пляже появились четыре типа лет по двадцать с небольшим. С узкими лобиками, дутыми мышцами и с явной претензией на крутость. С собой они притащили широкое цветастое покрывало и две сумки. Одну – огромную, набитую пивными бутылками, другую – поменьше, с водкой и закуской. Раздевшись до плавок, типы расположились метрах в трех от кромки воды. Сноровисто расстелили покрывало, «накрыли стол», откупорили бутылки и рьяно принялись за дело:

– Эх, хорошо!.. Давай наливай по «белой». Пивком прогладим... Ну, пацаны, за нас с вами и за хрен с ними!.. Гы, гы!!!

Некоторое время пришельцы потребляли «ерш», смачно рыгая и матюгаясь в процессе. Потом, разогревшись до нужной кондиции, обратили взоры на соседей по пляжу:

– Гля, Лех, телки клевые! Неплохо бы оттарабанить их по очереди! Гы, гы! Точно! Эй мочалки, сюда! Больно не будет... А ты, бабка, закрой вафельницу. Иначе в дыню получишь... Кто сопляк?! Ах ты, старая клизма! Ну, блин, погоди! – один из типов угрожающе поднялся на ноги и шагнул в сторону тетки с приемником. Обе девчонки съежились перепуганными мышами. Резвящаяся детвора разом умолкла. Все вокруг замерли в ожидании чего-то гнусного.

– Сядь на место, урод, не доводи до греха, – счел нужным вмешаться я.

– Чо-о-о-о-о?! – свиные глазки возмущенно выпучились, а сам тип застыл в неудобной позе. Видать, остолбенел от подобной дерзости. – Нет, ты чо, блин, на... Чо ты сказал?!!

– Он, вероятно, глухой, – предположил Костя. – Типа инвалид детства.

– И в придачу на голову больной, – добавил я.

– Мать перемать!!! – вышел из оцепенения свиноголазый и быстро сцапал за горлышко пустую бутылку: – Щас я вас, лохи ...е...е... убивать буду, е...е...е!!!

– Не надо убивать, – милостиво разрешил Вован, похоже, главный в этой компании. – Просто отметелим до кровавого поноса. Айда, пацаны, разомнемся! Все четверо расхлябанной походкой направились в нашу сторону. Каченные анаболиками мышцы демонстративно раздувались. Упитанные физиономии выражали самодовольство и полную уверенность в легкой победе. Да и немудрено! На первый взгляд силы казались неравными. Четверо против двоих, и, главное, смотрелись мы с Костей не лучшим образом. Сибирцев страшно исхудал в госпитале. Помимо огнестрельного ранения, он разжился в Светлянске тяжелым воспалением легких. Кожа бледная, кости торчат, перебитая пулей левая нога раза в полтора тоньше правой. А я после пребывания в либермановском «аду» до сих пор не восстановил утраченные там килограммы и малость смахивал на жертву

Освенцима.

– Бегите, сынки! – жалобно пискнула тетка с приемником.

– Гы- ы- ы! – радостно осклабился Вован. – Поздно бежать, не успеют!

Арк- х- х- х...

Выпрыгнув со спины в стойку, я коротко саданул ему ногой в печень. С храпом, согнувшись в дугу, парень неловко повалился на бок.

– Поаккуратнее, – буркнул Костя, отвесив свиноголазому мощную затрещину. – Это же не враги. Так, щенки обнаглевшие...

Свиноголазый между тем плюхнулся на задницу и ошалело затряс головой. Двое оставшихся испуганно попятились:

– Э- э- э... вы чо... чо?! Мужики... вы...

– Идите сюда, – поманил их пальцем Костя. – Драпать не советую. Догоним!

Предоставив товарищу самому разбираться с деморализованными остатками противника, я приблизился к поверженному главарю, без труда разогнул скрюченное тело и подверг его тщательному обследованию.

– Печенка целая, – спустя секунд сорок констатировал я. – И вообще, по- моему, он больше притворяется! Может, добавить?

– Не надо! – горестно всхлипнул Вован. – Пожалуйста, не надо! Я... я очень Вас прошу!

– Футы- нуты, – изумился я. – Какие мы стали вежливые. Прямо загляденье!

– Бога ради, простите! – на глазах мальчишки выступили слезы. – Я... я. – Тут он в голос заревел. Совсем по- детски.

– Ладно, живи, – сжалился я. – Но не сразу. Сперва поступишь, как твои друзья. Понятно?

– Да- а- а- а.

– Вперед!

С трудом поднявшись на ноги, Вован последовал за приятелями, которые по очереди подходили к каждой из обиженных ими женщин и в изысканных выражениях просили прощения за причиненный моральный ущерб... По окончании сей процедуры компания поспешно убралась восвояси. От волнения они даже забыли захватить недопитое пиво.

– Пойдем и мы, – взглянув на часы, предложил Сибирцев. – Где тут твоя шашлычная?..

Глава II

г. Н- ск.

Около десяти часов вечера

Кафе «Имперская баррикада» располагалось на северной окраине города и занимало целиком невзрачный двухэтажный особнячок из грязно- белого кирпича. Местечко тут было довольно глухое. С одной стороны к кафе примыкал обширный пустырь, на котором вскоре собирались строить очередной аквапарк. С другой – не слишком ухоженный илистый пруд. С третьей – чахлый уютный сквер. С четвертой – недавно заасфальтированное гладкое шоссе с одинокой автобусной остановкой. И лишь в отдалении, метрах в трехстах, начинались жилые дома. Оставив машину неподалеку от остановки, мы с Костей уверенным шагом направились к дверям заведения. Было еще достаточно светло, но над парадным

входом уже пылала большая неоновая вывеска. На ней, помимо названия кафе, красовался некий герб. Мягко говоря, странный! Двуглавый орел, сжимающий в лапах серп и молот, увенчанный красноармейской буденовкой.

– Господи Боже! – рассмотрев вывеску, опешил Костя. – Натуральное сумасшествие! Они тут что, все со справками?

– погоди! То ли еще будет, – криво усмехнулся я. – По слухам, там, внутри, та- а- а- кое! В страшном сне не привидится. Ты, главное, сохраняй невозмутимый вид и не падай в обморок. Не забывай, мы как бы сочувствуем этим придуркам и разделяем их бредовые идеи.

– Н- да уж, – грустно вздохнул Сибирцев. – Легенда не из легких. Кстати, ты не опасаясь за машину? (Не рискуя «светить» здесь служебную «Волгу», мы приехали в кафе на моей пожилой «девятке».)

– Смотри, Дима, от психов можно всякого ожидать, – на полном серьезе продолжил Костя. – Они же ненормальные. Запросто тачку подожгут. Лучше было такси взять!

Я в ответ обреченно пожал плечами, мол, чего уже теперь. Поздно назад отыгрывать...

Между тем маразм крепчал с каждой минутой. В дверях нас встретил юнец лет восемнадцати, в форме царского поручика, в солдатских обмотках и... в кожаной комиссарской фуражке с красной звездой на лбу. На груди у него висели рядом орден Ленина, офицерский «Георгий» и стилизованная баркашевская свастика, оформленная под медаль. Лицо молодого человека украшали чапаевские усы, явно накладные, и круглые, бериевские очки. Как выяснилось, сей причудливый гибрид служил не только декорацией. Вдобавок по всему он собирал с входящих добровольно- обязательные взносы на издание газеты «Великодержавный интернационализм» и выдавал взамен входные билеты с изображением Сталина в шапке Мономаха. Безропотно расставшись с двумя сотнями рублей, мы наконец проникли в зал, уселись за свободный столик, заказали по кружке пива и осмотрелись по сторонам. Внутреннее убранство кафе было выдержано в том же духе махрового идиотизма. Кумачовые знамена, свастики, длинный «иконостас» соратников Ленина (все сплошь евреи), а под ним лозунг аршинными буквами – «Арийцы всех стран, соединяйтесь!». В динамиках громыхали революционные марши. Посетители, в основном сопливая молодежь, прибывали с каждой минутой. Хлебнув горячительного, они быстро хмелели, громко материли «антинародный режим» и выкрикивали различный вздор. За ближайшим от нас столиком устроилась компания из четырех ребят призывного возраста. Эти вели себя потише, пили водку не чокаясь и торжественно поминали «героев Васю и Петю, угодивших в путинский застенок». Как выяснилось из их отрывочных реплик, означенные герои закидали яйцами главу М- ского района и получили по десять суток административного ареста.

«Детский сад для умственно отсталых, – презрительно подумал я. – А еще надо в контакт с ними вступать, оперативную работу симулировать. Е- мое, ох и неохота!»

– Гляди, кто к нам пожаловал! – вдруг толкнул меня в бок Сибирцев. В зале появился давешний Вован собственной персоной. В шортах, в красной майке с портретом Чегевары и с лихо повязанной косынкой на голове. Завсегдатаи приветствовали его почтительными возгласами. Судя по всему, этот хмырь пользовался у них определенным авторитетом.

– Вот тебе контакт. Лучше не придумаешь, – хищно прошептал Костя и уставился на качка тяжелым немигающим взглядом.

Спустя пару секунд тот вздрогнул, обернулся и, узнав пляжных знакомых, смертельно побледнел. Сибирцев в ответ дружелюбно осклабился и приглашающе махнул рукой. Вован с обреченным видом приблизился к нашему столику.

– 3- здравствуйте, – выдал он.

– Присаживайся, дружище, не стесняйся, – ласково улыбнулся я. – Кто старое помянет, тому глаз вон. Пива хочешь? – И, не дожидаясь согласия, подозвал официантку: – Десять кружек «Клинского», две бутылки «белой», три порции креветок и чего-нибудь под водку.

– Только не «сухарики нордические», – неожиданно встрял Вован. – У меня от них изжога!

Минут через пять официантка принесла заказ. Мы с Костей незаметно проглотили нейтрализующие алкоголь таблетки и принялись старательно спаивать «дружищу», рассказывая на ходу незамысловатые анекдоты. Вскоре напряжение окончательно исчезло, Вован заметно захмелел и стал воспринимать нас едва ли не как старых друзей.

– А что за «сухарики нордические», от которых у тебя изжога? – любопытствовал я.

– Маца, – презрительно скривился парень.

– ???!!

– Ну да, маца. Вы разве не видите, какой здесь дурдом? Эти болваны орут: «Бей жидов, спасай Россию!». А сами молятся на портреты Ленина, Троцкого и прочих. И жрут мацу. Дебилы, блин!

– А ты?

– Я?!

– Ну да, ты.

– А- а- а, понятно. Я не из их компании. Просто подрабатываю тут вышибалой. Пока дебилы еще спокойные, не успели наклюкаться. Но часам к двенадцати начнут куролесить. Вот тогда и придется кое-кого успокоить. – Вован шумно отхлебнул из кружки, сунул в рот сигарету и пустился в пространные воспоминания о своих трудовых буднях. Я рассеянно слушал, а Костя прилежно «писал» его речь на карманный диктофон.

– ...конченые отморозки! – постепенно распаялся Вован. – Сейчас обнимаются, а скоро будут бутылки друг об друга раскалывать, стульями по черепушкам лупить. Революционеры, блин, хреновы! Воображают себя крутыми подпольщиками, а сами служат натуральным посмешищем для друзей хозяина кафе. За ними тут постоянно наблюдают из верхних кабинетов. Иногда вроде на камеру снимают...

– Ну- ка, ну- ка, подробнее! – заинтересовался я, подливая парню водки. В последующие двадцать минут Вован, подгоняемый наводящими вопросами, поведал немало интересного. Из его нетрезвой болтовни можно было сделать следующие выводы. Хозяином кафе «Имперская баррикада» и, по совместительству, лидером одноименного молодежного движения являлся некто Семен Пуримович (партийный псевдоним Эдуард Лимонадов). Вся «революционная» деятельность его подопечных сводилась, по сути, к выпуску псевдопатриотической газетенки «Великодержавный интернационализм». К мелким хулиганским выходкам в общественных местах, к периодическим заявлениям в приплаченной прессе и к безобразным, пьяным дебошам в кафе.

Причем последние, как сумел вычислить Вован, исправно снимались на скрытые камеры. Зачем именно, вышибала не знал, но полагал «для смеху, посмотреть потом, по прикалываться». Помимо нижнего, общего зала, в кафе имелся верхний с отдельными кабинетами, куда посторонние (в том числе Вован) категорически не допускались. Тем не менее он пару раз видел, как туда с черного хода заходили некие солидные господа, «приехавшие на шикарных тачках». А блюда и напитки наверх подавались самые изысканные, о чем вышибале по секрету рассказал приятель, работающий на кухне. Туда же иногда отводили симпатичных девах, из числа «молодых революционерок».

– В общем фуфло, – когда Вован, покачиваясь, ушел, резюмировал Сибирцев. – Ни к каким терактам они, разумеется, не причастны. Кишка тонка.

– Среднее между цирком и публичным домом? – предположил я.

– Да, но не только, – задумчиво молвил Костя. – Видишь ли, Дима, меня очень настораживают скрытые камеры. Чует сердце, запись ведется не просто «смеху ради». Тут нечто более серьезное, с далеко идущими целями.

– А если Вован ошибся?

– Нет, не похоже. Он...

Тут на плечо Косте опустилась толстая лапа, и сиплый голос прорычал:

– Вынюхиваете, падлы?! Жить надоело, мусора поганые?!!

У нашего стола стоял, раскорячившись, здоровенный амбал лет под тридцать. В расстегнутой до пупа рубашке, с блатными наколками на мохнатом торсе, с окурком папиросы в уголке слюнявого рта и с рожей законченного дегенерата.

– Товарищ Санчес! Ментов вычислил! – взволновано прошелестело по залу. – Ща он им покажет кузькину мать!

Шепот достиг ушей амбала. Он самодовольно ухмыльнулся, рыгнул загустевшим перегаром и попытался сдернуть Сибирцева со стула. Но безуспешно.

– Шел бы ты на фиг, болван, – спокойно сказал Костя.

– Ты- ы- ы!!! Су- у- ука!!! – зарычал оскорбленный «Санчес». Широко размахнулся и... отлетел назад, приземлившись спиной на столик «призывников». (Неуловимым движением, высвободив плечо, майор врезал ему в грудь основанием ладони, одновременно поставив подножку.) Столик с треском переломился пополам. Послышался звон бьющейся посуды. Зал отреагировал разочарованными возгласами.

– А- у- о- о!!! – взревел поверженный амбал, неуклюже выбираясь из- под обломков. Глаза у него налились кровью, на лбу налипла креветочная шелуха, а в правой руке непонятно откуда появился финский нож.

– Убью, тва- а- арь!!! – бешено прохрипел он.

– Ну, ну, полегче, щенок, – посоветовал я, делая шаг навстречу.

– На, бля!.. Ы- ы- ы!!! Бац! – «Товарищ Санчес» попытался пырнуть меня в живот, попался на болевой захват, выронил нож и, получив кулаком в челюсть, безжизненно распростерся на полу. Зал испуганно притих. Я внимательно оглядел смущенных «революционеров». Новых актов агрессии ожидать явно не приходилось. Только что увиденное полностью выбило их из колеи: потупленные взоры, бледные лица, смиренные позы... Перетрусил, сопляки! «Товарищ Санчес» слабо зашевелился, застонал и громко испортил воздух. Сибирцев брезгливо зажал нос.

– Пошли, Дима, – сказал он. – Пахнет тут плохо!...

Глава III

Снаружи заведения стояла темная июльская ночь, слегка рассеиваемая лишь несколькими редкими фонарями да отчасти ущербной луной. На черном полотне далекого неба горели крохотные огоньки звезд. От неухоженного пруда тянуло сыростью. В окрестностях не было видно ни души.

– Не фига себе! – дернул меня за рукав Костя. – Смотри!

Моя машина больше не стояла у автобусной остановки. Чьи-то шкодливые руки откатали ее почти вплотную к скверу.

– Шутники, блин! – досадливо сморщился Сибирцев. – Мелкие пакостники!

Может, они ее и обсосали в придачу?

– Пакостники, говоришь? – пробормотал я. – Пожалуй, да. Но не мелкие! Место выбрано весьма разумно. Сквер не освещен, а в кустах отличная позиция для засады. Приблизимся мы к тачке... и привет!

– Верно, – помрачнел Костя. – Как думаешь, они нас слышат?

– Пока нет. Ветер дует в нашу сторону.

– Ну и?

– Пойдем к ним.

– ??!

– Если бы хотели пристрелить, то сделали бы это уже минуту назад, на выходе из бара. И никакие фокусы им бы не понадобились. Стало быть, хотят чего-то другого. А вот ЧЕГО хотят, нам с тобой и предстоит выяснить.

– Логично, – согласился Сибирцев. – Топаем под видом нетрезвых, разозленных лохов?

– Обязательно!

Незаметно дослав патроны в патронники, мы со злым видом направились к машине, по ходу громогласно возмущаясь неслыханной наглостью здешних аборигенов и обещая им всевозможные кары в случае гипотетической поимки. Засада, как я и предполагал, с комфортом устроилась в кустах. Место они выбрали очень удачное, имели все мыслимые и немыслимые преимущества. Однако, убаяоканные нашим поведением, сразу стрелять не стали, даже по конечностям. Очевидно, решили обстряпать дельце по-тихому. За что и поплатились.

Добравшись до «девятки», мы вдруг разом упали на землю и открыли частый огонь с двух стволов в направлении наиболее вероятного местонахождения противника.

Результат превзошел все ожидания. Кто-то в кустах болезненно вскрикнул, кто-то умирающе забулькал, что-то тяжелое с треском рухнуло, ломая ветки. А еще кто-то выпустил в нашу сторону торопливую бесшумную очередь, выругался по-чеченски в адрес заклинившего затвора и, хромая, пустился наутек.

– Мой! – шепнул я, устремляясь следом. Колючий кустарник цеплялся за одежду. С первых же шагов я наступил на мягкое, дергающееся в конвульсиях тело и едва не упал. Затем некто, лежащий на земле, попытался ухватить меня руками за ногу.

Высвободив ногу и выпустив пулю туда, где должна была находиться голова «хваталя», я сделал последнее, мощное усилие и, оставив на ветвях значительную часть рубашки, вырвался на простор. Вернее, на широкую, плохо заасфальтированную дорожку, окруженную тем же зловредным кустарником, поднимающуюся в горку и с грехом пополам освещенную неполноценной луной. На разбитом асфальте виднелся темный, кровавый след, а впереди, метрах в тридцати от меня, сильно припадая на левую ногу, бежал плотный мужчина с

непомерно развитыми плечами. Услышав шум позади себя, он проворно (для раненого) обернулся, оскалил зубы и прорычал с первобытной ненавистью:

– Стреляй, собака! Смотри, как умирает горный волк!!!

– Это скуля, ползая на брюхе и вылизывая сапоги охотнику? – с серьезным видом уточнил я.

– Грязная тварь!!! – перекошенный от ярости чеченец стиснул волосатые кулаки. – Иди сюда, русский ублюдок! Иди, если не боишься! Я тебя голыми руками на куски порву!

«А боевой нож ты, стало быть, в кустиках посеял, – с удовлетворением подумал я. – Что, собственно, сейчас и выяснилось! Ведь если бы нож присутствовал, ты бы уже метнул его в «проклятого гяура», столь хамски издевавшегося над святыми для тебя понятиями, да и над тобой в придачу. Эх ты, дитя гор, сильное, гордое и... безмозглое!»

– А нож горцу терять запаadlo, – не спеша направляясь к джигиту, сказал я. – Какой же нохча без кинжала?! Так, тьфу да растереть. – На миг он смущенно потупился, чем окончательно подтвердил мою догадку, но тут же снова поднял взгляд: дикий, зверский, кровожадный. Действительно, волчий!

Едва я приблизился на достаточное расстояние, ослепленный ненавистью горец резко выбросил вперед правый кулак, целя мне в переносицу.

– Кр- а- ак! – проворно уклонившись, я точным, отрывистым толчком чуть выше сустава переломил ему руку в локте.

– Г- р- р- р! – страшно заскрежетав зубами, он попытался достать меня с левой.

«Крепкий орешек!» – уважительно подумал я и двумя мощными ударами отправил покалеченного противника в глубокий нокаут. Затем обыскал бесчувственное тело. В карманах, помимо всякой мелочи, обнаружили ИПП и новенький российский паспорт. Первым делом я аккуратно перевязал пленному рану, изъяс у него брючный ремень и крепко прикрутил здоровую руку к здоровой ноге. И лишь потом, дождавшись вызванного манком Сибирцева, открыл паспорт джигита.

– Муслим Салаутдинов, родился в Ведено 18 мая 1975 года. Постоянно прописан в Н- ске по адресу: улица Строителей, дом 55, квартира 20, – вслух прочел я и обернулся к Косте. – Те, в кустах, тоже нохчи?

– Похоже, да, – неуверенно ответил майор.

– Похоже?!

– Именно. По лицам, сам знаешь, их не всегда от русских отличишь, а документов ни у кого из трех убитых не оказалось. Этот – исключение. – Сибирцев коснулся носком ботинка бесчувственного Муслима. – Ничего! Полагаю, он быстро выложит данные остальных.

– Зря полагаешь, – зло дернул щекой я. – Не тот случай. Волчара прожженный, упрямый, на боль реагирует слабо. А «сыворотки» у нас с тобой нет, и раньше завтрашнего дня достать не получится. Шеф на Северном Кавказе, весь отдел практически тоже. Не будем же мы беспокоить среди ночи генерала Маркова?!

– Не будем, – согласился Костя. – Но, может, просто отвезем его в Контору, к «теломеханикам». Ты вроде как за начальника отдела пока...

– В Контору? – прищурился я. – Ага, в нее, родимую... А скажи- ка на милость, дружище, кому ты там по- настоящему доверяешь? Кроме ребят, уехавших в Дагестан, полковника Рябова и генерала Маркова? Ну- ка, напряги извилины! Майор погрузился в напряженные размышления. Прошло сорок секунд, пятьдесят...

– Тебе, – выдал наконец он.
– А еще?
– Больше никому. Слишком часто ловили предателей в последнее время.
– Вот то- то и оно, – вздохнул я. – Однако время работает против нас. Нюхом чую! Проваландаемся малость, и абзац! Уплывет рыбешка. Даже до утра ждать нельзя. Информацию надо получить в течение ночи. Вместе с тем, мы с тобой сами добыть ее не сумеем. Нет, разумеется, оба мы отнюдь не белоручки, хорошо умеем допрашивать в режиме «Б», но здесь, как я уже говорил, особый случай. Из кожи вон вылезем, в крови по уши вымажемся, а толку будет мизер. Н- да- а! Тут нужен особый зверь, из той же породы. Выхода нет, придется обращаться к Эмиру.
– К кому?!
– К Эмиру. До сих пор его в лицо знали только я и Рябов. Теперь будешь знать ты. Шеф, надеюсь, не сильно обидится. Да, Костя, во избежание недоразумений я представлю тебя как любимого зятя полковника. Мужа его четырнадцатилетней дочери.
– Что- о- о- о- ???!!!
– Хорош, Костя, не мешай работать, – жестом заставив майора умолкнуть, я вспомнил шифровальную таблицу, старательно составил эсэмэску и отправил ее на номер мобильного телефона, имя обладателя которого внушало почтительный страх доброй половине чеченской диаспоры города...
Спустя минут сорок с небольшим послышалось урчание мотора. В сквер с противоположной стороны плавно вкатил зловещего вида черный джип (очень похожий на катафалк) и, не доезжая до нас метров двадцати, остановился. Из услужливо распахнутой кем- то дверцы выпрыгнул мрачный чеченец в шикарном костюме, поправил крахмальный платочек в нагрудном кармане и деловито зашагал к нам.
– Стой! – прошипел я Сибирцеву, рефлекторно схватившемуся за пистолет. – Не стреляй! Это и есть наш Эмир!...

Глава IV

Тайный агент ФСБ Эмир, в миру Ваха Асланов (кстати, мой одноклассник), раньше был самым настоящим «духом», активно участвовал в обеих чеченских войнах на стороне мятежников, а потом перебрался в Н-ск и возглавил службу безопасности недоброй памяти Умара Халилова. Тут- то он и попал в поле зрения ФСБ. Ваху захватили в плен и завербовали – весьма жестоким, варварским способом, один лишь намек на который способен привести в истерику господ правозащитников. Так или иначе, но способ этот оказался на редкость эффективен, спрыгнуть с крючка Ваха не мог при всем желании и в дальнейшем ударно (хотя и недобровольно) потрудился во благо Государства Российского. С его подачи нам удалось взять живым Умара Халилова. Разгромить подчиненную ему террористическую сеть, выявить в рядах ФСБ генерала- предателя и спровоцировать непримиримую кровную месть среди наиболее враждебных России чеченских тейпов. Кроме того, руками Асланова и его кунаков мы иногда обделывали такие дела, о которых не хотели мараться сами. Естественно, соплеменники Вахи даже не подозревали о его агентурной ипостаси. Более того, при тайной поддержке ФСБ он заработал среди нохчей громадный авторитет, стал названным сыном престарелого Абдулы Беноева и, к настоящему времени,

фактически руководил семейным бизнесом последнего, а именно: целой сетью лотерей, ночных клубов и казино. Но не думаю, что Эмир испытывал к нам хоть какие-то теплые чувства. И уверен, он при первом же удобном случае с удовольствием отрезал бы мне голову, в отместку за прошлогоднее унижение (см. «Изнанка террора»). Тем не менее благодаря вышеуказанному «крючку» я несколько не сомневался в Вахиной лояльности. По крайней мере, на данный момент...

– Здравствуй, майор, – подошедший Асланов протянул мне руку. – Рад видеть тебя живым и здоровым!

Губы Эмира широко улыбались, голос звучал вполне искренне, однако глаза говорили обратное, типа: «Чтоб ты сдох, собака эфэсбэшная!»

– Взаимно, дорогой, взаимно! – стиснув Вахину ладонь, расцвел я. – Ты не представляешь, с какой теплотой я к тебе отношусь! Свыкся за год, сработался... Совсем родным ты для меня стал!

– И потому ты привел на нашу встречу постороннего человека? – Глаза Асланова пистолетными дулами уставились на Сибирцева, а дружелюбие в голосе сделалось уж слишком искусственным.

– Да какой же он чужой?! – бурно возмутился я. – Это же Константин! Зять самого Рябова, его доверенный заместитель и будущий приемник!

– Зя-ять?! – Вахино лицо заметно вытянулось.

– Ну да, муж Ирины. А что тебя удивляет? Девчонке четырнадцать лет, созрела, как персик. А у вас, между прочим, и на более младших женятся.

Несколько секунд Эмир переваривал услышанное.

– Я думал, у русских иные обычаи, – пробормотал наконец он. –

Четырнадцатилетняя, да под таким бугаем. Хотя... ФСБ закон не писан!

– Все мы люди, все мы человеки, – проигнорировав дерзость агента, философски вздохнул я. – А жизнь столь сложная штука... Н-да-а! Впрочем, хватит болтать попусту. Познакомьтесь, да перейдем к делу!

Асланов и Сибирцев церемонно поручкались, причем последний лишь с колоссальным трудом сдерживал взрыв ярости и, казалось, в любой момент готов был удавить «нового кореша». От наблюдательного Эмира данное обстоятельство, разумеется, не укрылось, но он отнесся к нему на свой лад: «Зятя большого начальника подвергли подозрению, обозвали бугаем, общались без особого почтения. Неудивительно, что он в бешенстве. Слава Аллаху, сразу не пристрелил! Ну ладно, не беда, со временем вотрุษь в доверие. Русские – народ отходчивый!» Нет, не подумайте, я отнюдь не ясновидец и чужие мысли читать не умею. Но я досконально изучил чеченский менталитет, и можете мне поверить – в тот момент Ваха думал именно так! Или примерно так...

– Кто там у тебя в джипе мелькает? В количестве двух штук? – обратился я к Асланову. – Зачем привез, а?! Разве ты забыл – дело секретное, утечки быть не должно!

– Не забыл, – усмехнулся Эмир. – Утечки не будет. Это мои рабы-башкиры. Они оба немые, болтать не смогут. Да и вообще – за их благонадежность я головой отвечаю. – Во взгляде Асланова мелькнуло странное выражение. – А зачем привез? Так не самим же нам трупы перетаскивать...

– Могли бы и сами, – буркнул я. – Чай не графья!

– Откуда они у тебя? – внезапно прорезался Костя.

Секунду Ваха колебался. Но потом (вероятно, задавленный авторитетом грозного

«зятя») неохотно рассказал. Завербованные в одном из медресе башкиры отправились в Чечню сражаться с неверными. За деньги, естественно. Однако разбогатеть не сумели. Вскоре отряд, в котором они обретались, был разгромлен чеченским спецназом, лояльным федеральной власти. С пленными поступили по-разному, но вот этих двоих (как не нохчей) продали в рабство клану Беноевых, предварительно отрезав им языки. Некоторое время горе-волонтеров использовали на различных тяжелых работах, а два месяца назад по просьбе престарелого Абдулы переправили в Н-ск...

– Неужто Абдула гуманистом заделался? – ехидно встрял я.

– Нет, не заделался, – спокойно возразил Эмир. – Просто ему понадобились вот как раз такие – здоровые, немые и по гроб обязанные. Для некоторых деликатных поручений внутри диаспоры. Дела они в принципе сделали, так что...

– Ясно, можешь не продолжать, – поморщился я. – Зверье оно и есть зверье!

– Не понял?! – насупился Асланов.

– Все ты понял, – грубо отрезал я. – И прекращай смотреть волком. Глаза вырву!

– Дима, ты забыл о задании, – вежливо напомнил Сибирцев.

– А это не задание, это сюрприз! – осклабился я. – Мы приготовили для Вахи очередной подарок. Работа у нас такая, подарки всяким зве... Короче, дарить. Как у Дедов Морозов.

– Да неужели, – замороженным голосом произнес Эмир.

– Точно, точно! На, посмотри! Узнаешь кровника? – я протянул паспорт Салаутдинова.

На мгновение Ваха замер «в стойке», как охотничий пес. Затем протер глаза, снова заглянул в паспорт...

– Ай спасибо, майор! Ай удружил! Вот действительно подарок так подарок! – Лицо чеченца сияло. От «заморозки» в голосе не осталось и следа. – Ай да барашек! – он потыкал пальцем в фотографию на паспорте. – Славный! Жирный! Вкусный! Старый Абдула безумно обрадуется. Ох как обрадуется! Ведь именно этот шакал застрелил на днях троюродного брата жены брата племянника старого Абдулы! В наглуую так, при свидетелях, в стриптиз-баре «Лотос»! – закончив свою восторженную речь, Асланов крадущейся походкой приблизился к пленному, лежащему спиной к нам, на обочине, с косынкой во рту, резко развернул лицом к себе, удостоверился в подлинности, хищно потер ладони и гортанно «пропел» по-чеченски: – Вот и свиделись, тень дерьма больной собаки! Скоро мы тебя, маленького, резать будем. Я отвезу тебя в дом Абдулы Беноева, и там...

– Постой, Ваха, не суетись, – одернул я распалившегося агента. – Мы, конечно, Деды Морозы, но... не до такой степени! От этого типа нам нужна определенная информация. И сам тип тоже нужен. Так что отдадим мы его тебе часа на три, не больше. А потом ты привезешь пленного обратно, вместе с видеозаписью допроса. И нечего рожу кривить! Работать ты все равно должен, а так хоть удовольствие получишь...

Ваха в ответ кисло усмехнулся. «Наивысшее удовольствие для джигита привезти живого кровника главе рода или, на худой конец, отрезанную башку!» – ясно читалось на лице Эмира.

– А кроме того, в кустах лежат еще трое, – вдохновенно продолжал я. – Ты взгляни на физиономии. Взгляни! Вдруг кто-то из них провинился куда больше бедолаги Муслима?! Допустим, хамски осквернил нечистотами могилу покойного деда тети друга племянника брата любимого попугая Абдулы?

– Гм, действительно, – оживился Ваха, не обратив внимания на издевку. Он повернулся к джипу и окликнул по-русски: – Салават, Газман! Сюда бегом! От машины, на удивление мягко, к нам устремились две огромные фигуры, размерами и грацией сильно напоминающие орангутангов. Настолько сильно, что я даже усомнился: «А не соврал ли Асланов насчет башкир? Может, они и впрямь... с хвостами?! В Африке, поди, тоже исламистов хватает!» Однако при ближайшем рассмотрении фигуры оказались все-таки людьми. Мощными, сутулыми, с низкими лбами и маленькими блеклыми глазками, взирающими на Ваху с собачьей преданностью.

– Те кусты. Три трупа. Принести! – властно бросил Эмир.

Синхронно кивнув, рабы метнулись в указанном направлении. Управились они достаточно оперативно, и спустя минут пять перед нами лежали остальные участники засады. Одному пуля угодила в шею, перебила сонную артерию, и он буквально истек кровью. На гипсовом лице выделялись черными щетками могучие усы. Стеклообразные глаза равнодушно таращились в никуда. У второго (очень похожего на первого) был прострелен живот и выбит пулей левый глаз. Видимо, это он пытался схватить меня за ноги. А вот третьему не повезло, в смысле посмертного имиджа. Он схлопотал в голову минимум три заряда. В результате означенная часть тела у него фактически отсутствовала, а точнее, напоминала арбуз, выброшенный по ошибке на футбольное поле в разгар напряженного матча и с ходу попавший под тяжелые бутсы футболистов.

Я почесал грудь под разодранной рубашкой и закурил сигарету, дожидаясь итогов опознания. Было тихо и душно. В воздухе кровожадно звенели комары. От пруда по-прежнему тянуло могильной сыростью. В глубине запущенного сквера изредка вскрикивали ночные птицы. А покойники в свете ущербной луны выглядели по-настоящему жутко. Ну, прямо кадр из фильма ужасов!

Впрочем, ни на меня, ни на Костю, ни на Ваху подобное зрелище впечатления не производило. Еще не такого успели насмотреться! А рабам вообще все было по барабану. Надо думать, с раннего детства...

– Шапи и Исрапи Салаутдиновы, двоюродные братья Муслима, – бегло осмотрев первых двух мертвецов, вынес вердикт Ваха. – А этот. – Он равнодушно глянул на третьего. – Да пес его разберет! От хари-то ничего не осталось. Но, думаю, из той же компании.

– Вот видишь, Ваха, как удачно сложилось! – с казенным оптимизмом объявил я. – Предъявишь тела Абдуле и скажешь – двух братьев главного злодея уже замочили, а сам злодей... гм... Тоже не уйдет от возмездия. Со временем.

– Хорошо, – вдруг просветлел Асланов. – Какую информацию нужно получить? – и жестом приказал башкирам грузить трупы и пленника в джип. Когда они удалились на достаточное расстояние, я провел подробный инструктаж, заставил Эмира занести в записную книжку наиболее важные вопросы и в заключение строго напомнил: – Не забудь, дорогой, Муслима надо непременно вернуть обратно.

– Способы развязывания языка любые? – с невинным видом уточнил Ваха.

– Ты дурак или прикидываешься?! – рассердился я.

– Тогда, майор, все будет путем, – лучезарно улыбнулся Эмир. – Если любые – он расколется без вариантов. И самого «языка» вернем. Не сомневайся!

– Наконец-то дошло, – проворчал я. – Встречаемся в квартире на Смоленской. Адрес и номер телефона, надеюсь, помнишь?